

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'28: 81'37
doi 10.17072/2073-6681-2020-3-5-14

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ, НАЗЫВАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИЯ ДОМОВОГО (на материале русских мифологических текстов Пермского края)

Мария Андреевна Гранова

ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

SPIN-код: 3653-3938

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2577-6652>

ResearcherID: D-2785-2018

Статья поступила в редакцию 10.08.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гранова М. А. К проблеме классификации лексики, называющей действия домового (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-5-14

Please cite this article in English as:

Granova M. A. K probleme klassifikatsii leksiki, nazyvayushchey deystviya domovogo (na materiale russkikh mifologicheskikh tekstov Permskogo kraja) [On the Problem of Classifying Vocabulary Naming the Actions of the Household Spirit (Based on Russian Mythological Texts from the Perm Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 3, pp. 5–14. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-5-14 (In Russ.)

Обосновывается актуальность разработки электронного словаря мифологической лексики Пермского края. Предпринимается попытка создания фрагмента идеографической части этого словаря для лексики, называющей действия духов-«хозяев» локусов. Это представляет определенную трудность, поскольку в современной этнолингвистике и фольклористике не существует общепринятой классификации действий этих персонажей. В основу такой классификации в нашем электронном словаре положена схема описания мифологического персонажа, представленная в работе Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой «К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии» (М., 1994), и классификация, предложенная Л. Н. Виноградовой в монографии «Мифологический аспект славянской фольклорной традиции» (М., 2016). В словаре предполагается разделить всю лексику, обозначающую действия демонов, на две группы: названия действий, направленных на человека, и действий, не направленных на человека. Лексику первой группы планируется разместить в разделе «Функции», в котором будет пять подразделов: «Вредить», «Помогать», «Наказывать», «Предсказывать», «Показывать свое расположение к человеку или скотине». Слова второй группы предполагается включить в два других раздела: «Поведение персонажа» (где будет три подраздела: «Звуковые проявления персонажа», «Визуальные проявления персонажа» и «Типичные действия персонажа») и «Свойства и способности». Предложенная классификация не претендует на исчерпывающую полноту, поскольку разработана на материале лексики, описывающей только одного духа (домового), однако компьютерная форма словаря позволяет легко видоизменять и дополнять идеографическую часть, что в результате даст возможность создать классификацию, отражающую все особенности пермской мифологической традиции наилучшим образом.

Ключевые слова: электронный словарь; мифологическая лексика; действия духов-«хозяев»; домовый; Пермский край.

Изучение славянских народных демонологических представлений по-прежнему является одним из важных направлений работы российских и зарубежных ученых – историков, этнографов, культурологов, фольклористов, этнолингвистов и др. Рассматривается как славянская традиция в целом, так и верования жителей отдельных славянских стран; есть также работы, посвященные мифологическим представлениям отдельных регионов в рамках славянских государств. Так, в настоящее время продолжает активно изучаться народная демонология русских, проживающих на территории Пермского края. При этом большое внимание уделяется учеными исследованию мифологических текстов и мифологической лексики, которые являются важным источником сведений о народных демонологических представлениях жителей региона. Сбор такого материала начался еще в 1980-х гг. и продолжается до настоящего времени; часть записанных мифологических текстов опубликована в фольклорно-этнографических сборниках, в которых рассматриваются традиции различных районов Пермского края (см., например, список источников материала для настоящего исследования). При описании и научной интерпретации собранного языкового и текстового материала пермские ученые придерживаются двух основных подходов – этнолингвистического и фольклористического. Первый из них прослеживается в работах И. И. Русиновой, И. А. Подюкова, М. В. Бобровой, Ю. А. Шкураток (см. напр.: [Боброва 2015; Подюков 2014; Подюков 2016; Подюков 2019; Русинова, Гранова 2016; Русинова, Гранова 2018; Русинова, Шкураток 2018; Русинова 2019; Русинова 2020; Черных, Русинова, Шкураток 2016]). Среди фольклористических работ, посвященных пермской демонологии, можно выделить, в частности, статьи С. Ю. Королёвой (см., напр.: [Королёва 2014; Королёва, Беломестнова 2018]).

Настоящее исследование выполнено в рамках этнолингвистического подхода. Одной из задач, стоящих перед этнолингвистами, изучающими народную демонологию через рассмотрение мифологической лексики, является разработка оптимальной формы систематизации и представления этого лингвистического материала. По нашему мнению, такой формой может быть электронный словарь, который может включать неограниченный объем данных, регулярно пополняться и обновляться; позволит пользователям автоматически находить словарные статьи по различным (в том числе неязыковым) параметрам (а не только по вокабуле); будет доступным для широкой аудитории (включая ученых) из любой точки мира за счет размещения этого лексикографического продукта в сети Интернет.

Все это делает электронный словарь более удобным для читателя XXI в., чем традиционный печатный словарь.

В свете всего сказанного актуальной видится разработка электронного словаря русской мифологической лексики Пермского края. Этот словарь будет создан в виде интернет-сайта; в него будут включены единицы, связанные с духами-«хозяевами» освоенного человеком пространства (банником, домовым, дворовым, ови́нником) и природных локусов (лешим, водяным, болотным, русалкой, полудницей). Материалом для словаря станут русские мифологические тексты, собранные в различных районах Пермского края и находящиеся в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. И. И. Русинова) и в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. С. Ю. Королёва) филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (Материалы); тексты, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках Пермского края, а также отрывки мифологических рассказов, использованные в качестве иллюстраций в словарях русских говоров региона.

В данной статье речь пойдет о макроструктуре создаваемого словаря, а именно – о его идеографической части. На примере единиц, связанных с домовым, мы попытаемся построить фрагмент идеографической классификации для лексики, называющей действия духов-«хозяев» локусов.

Отметим, что под действием мифологического персонажа, вслед за Е. Е. Левкиевской, будем понимать «приписываемую данному мифологическому персонажу характерную для него способность совершать тот или иной поступок (давить человека, гонять скот по ночам и пр.)» [Левкиевская 2000: 118]. Действие персонажа следует отличать от его функции, которая представляет собой «минимальную единицу мифологической системы <...>, маркированное и устойчиво сохраняющееся в традиции действие персонажа, наделенное определенным иллокутивным значением, вместе с закрепленной за этим действием совокупностью признаков (локативных и темпоральных), характеризующих обстоятельства, при которых оно реализуется» [Левкиевская 2007: 7]. То есть мифологическая функция – это действие, имеющее определенную иллокутивную цель (например, действие домового *давить* может осуществляться с целью навредить человеку, наказать его за неправильное поведение или же предсказать его будущее и, соответственно, реализовывать одну из этих трех функций) [там же: 119].

Полагаем, что, поскольку создаваемый лексикографический продукт является словарем мифологической лексики Пермского края (а не словарем лексики мифологических рассказов Пермского края), в него не следует включать немифологическую лексику, в том числе названия действий духов-«хозяев», не имеющие мифологической семантики, т. е. употребляемые в прямом значении конкретного физического или абстрактного действия. Например, в словарь не будут включены следующие единицы: *Домовой живет в голбце, охраняет нас* (Куеда) (КБ: 29); *Суседушка-боданушко называется. Скотина пропадет, идешь в лес: «Дедушко-боданушко, выведи мою коровушку. Он ведь везде бегат, не сидит он ведь в избе-то...»* (Н. Тымбай Куед.) (там же: 37); *Если ночью куда-то выходишь из избы, суседушка просыпается, и надо ему что-то «доброе» дать, бросить в отверстие крышки голбца (Очёр)* (Материалы); *А соседко, говорят, тоже есть как хозяин, а кто его знает. <...> Тут соседка, токо правду она, нет? <...> Я видела, говорит, маленькой был. Она всё стряпат да говорит: а я поднимаю на шкаф, а он тут пусть ест. А у меня всё время хлеб на столе, ест, дак пусть мой ест* (Мыс Кос.) (Русские: 237). Выделенные глаголы здесь использованы в прямом значении и не имеют «мифологической нагрузки».

Что касается названий действий домового, имеющих мифологическую семантику, то при их представлении в идеографической части электронного словаря возникает проблема их классификации по какому-либо единому основанию. Дело в том, что, ввиду сложности и частеречной, семантической и структурной разнородности материала (как на содержательном, так и на языковом уровне), в настоящее время ни в рамках этнолингвистики, ни в рамках фольклористики не существует общепринятой классификации действий персонажей славянской народной демонологии и лексики, обозначающей такие действия.

Так, Л. Н. Виноградова делит все действия мифологических персонажей на две группы: «действия, не направленные на человека, обозначающие некие индивидуальные пристрастия» демона (любить музыку и танцы, расчесывать свои длинные волосы, избегать соленой пищи и под.), и «действия, основанные на контактах мифологического персонажа с человеком, благодаря которым можно судить о характере взаимоотношений людей с потусторонними силами» [Виноградова 2016: 19]. Такой подход кажется нам целесообразным и достаточно обоснованным, поэтому будем использовать его в своей классификации.

При этом действия, направленные на человека, исследователь делит на три группы в зависимости от функций, которые эти действия реализуют: вредоносные и попечительные действия (это два основных типа), а также функция «наказывать», которая «определяется не столько характером <...> действий, сколько их прагматической направленностью (целевой установкой)» [там же]. Отметим, что эту классификацию мы не можем применить для нашего материала, поскольку она не покрывает всего многообразия действий пермского домового.

Несколько иную классификацию действий домового приводит Е. Е. Левкиевская. Она выделяет общепатронажную функцию персонажа (которая реализуется через действия, направленные на поддержание порядка в доме, и через действия, посредством которых домовый наказывает людей за нарушение норм поведения), «полтергейстную» функцию (включающую действия, направленные на то, «чтобы испугать, потревожить человека, проявляя этим свою демоническую природу» [Левкиевская 2000: 119]), прогностическую функцию (связанную со «способностью домового предвещать грядущие события в жизни семьи, выступать в качестве своеобразной родовой или персональной судьбы» [там же: 128]), а также связь духа со скотом, которая также рассматривается исследователем как отдельная функция персонажа. Представляется, что такая классификация действий домового не имеет единого основания. Во-первых, не ясно, почему действия, реализующие патронаж и наказание, объединены в одну группу, хотя их иллюкутивные цели различны. Во-вторых, нецелесообразно, на наш взгляд, выделение наравне с другими функциями такой функции, как связь домового со скотом, поскольку эта группа уже выделена автором не по цели действий, а по объекту (ведь воздействие духа на скот может быть как положительным, так и отрицательным, следовательно, в первом случае их следует включить в общепатронажную функцию, а во втором – в «полтергейстную»).

Еще одна попытка классификации действий домового (на коми-пермяцком материале) была предпринята И. И. Русиновой и А. В. Кротовой-Гариной. В основу этой классификации положен тематический признак, в соответствии с которым основные «стереотипы поведения» коми-пермяцкого духа дома делятся на следующие группы: действия, которыми дух обнаруживает себя звуковым поведением; действия, посредством которых персонаж обнаруживает себя визуально; действия, направленные на человека; действия, направленные на животных; действия хозяй-

ственного характера [Кротова-Гарина, Русинова 2018: 164].

Наконец, вариант классификации действий духов-«хозяев» локусов предложен Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой в рамках схемы описания мифологического персонажа, представленной в работе (см., напр.: [Виноградова, Толстая 1994]). Так, в указанной схеме встречается несколько разделов, включающих действия демонов: раздел IX. Свойства, способности, пристрастия; раздел X. Характерные занятия, действия, привычки; раздел XI. Функции и предикаты (исследователями выделены три основные функции мифологических персонажей – вредить, помогать и наказывать). Отметим, что именно данная схема положена в основу идеографической части создаваемого электронного словаря, однако она должна быть адаптирована к пермскому материалу.

Таким образом, мы предлагаем следующую классификацию действий пермского домового.

Во-первых, вслед за Л. Н. Виноградовой [Виноградова 2016], разделим всю совокупность действий духа (и лексику, их обозначающую) на две большие группы: действия, направленные на объект (т. е. на человека), и действия, не направленные на объект.

Действия первой группы отнесем в **раздел «Функции»**. Пермские материалы позволяют выделить пять основных функций домового (первые три из них совпадают с функциями мифологического персонажа, выделенными Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой):

1. Вредить. В эту группу входят действия домового, направленные на то, чтобы напугать человека различными звуками, и собственно физические действия персонажа, направленные на то, чтобы причинить вред самому человеку, или его скотине, или его хозяйству, если демон не любит этого человека или скотину: [Как домовый пугает?] *Сама не знаю. Мама говорила, будто ходит, ходит. Ложками гремит* (Н. Зырянка Усол.) (Материалы); *Вдруг под печкой зашуршало чётко. <...> Пашка смелый был парень, крикнул: «Тебе чё не спится? Хватит ребят пугать! Расшумелся тут».* Он как *швырнёт чугунок на пол, со злости, видно* (Нердва Караг.) (там же); *А домовый, соседко, он маленький такой, малюсенький. <...> Которую лошадь любит он, той косы плетёт, всю гриву исплетёт. А если не любит, то он её ночью гоняет. Лошадь в поту нехорошая делается* (Васильевское Ильин.) (там же); *Говорят, когда на новое место переезжаешь, соседко едет с тобой. Если соседко любит тебя – с тобой придет, если не любит – синяков наставит* (Б. Кусты Куед.) (КБ: 29); [А как он вас беспокоил?] *А на мне волосы в гнездо со-*

вьёт. И давил всю ночь. Я кричу: «Митя, Митя!» Он меня давит, у меня не кричится. Он из дома меня выживал (Материалы).

2. Помогать. Эта функция реализуется тогда, когда домовый выполняет различные хозяйственные работы, чтобы облегчить труд хозяев, или спасает их от опасности: *Прихожжу домой, посуда вся вымыта. Всё, Таньки, говорит, спрощу, у дочери. «Танька, ты мыла?» – «Нет не мыла». – «Кто вымыл?» – «Домовой»* (Редикор Черд.) (Материалы); *Когда соседко не любит лошадь, дак ведь гриву-то всю исплетет, косы исплетет. <...> Еще этот соседкушко может от другого соседа перенести корм ко своему, другому соседку* (Куеда) (КБ: 35); *Брат мой видал соседку. <...> Видит: соседко сено кобыле дает* (Тетерина Сол.) (ББ: 107); *Домовой нынче у меня был – разбудил нас, меня! <...> Вот кошка замьяргала, прямо вот котёнок мяргает, и всё. А до этого кошка у меня родила. <...> Посмотрела на неё, соскочила, взглянула, а там пожар* (Нырб Черд.) (Материалы).

3. Наказывать. По нашему мнению, эту группу действий домового следует отличать от двух предыдущих, поскольку такие действия духа носят отрицательный характер (следовательно, не могут рассматриваться как помощь), являются своеобразным «ответом» персонажа на действия человека, нарушающие принятые нормы поведения (чем отличаются от действий первой группы, которые не провоцируются человеком), и имеют отдельную цель – наказать человека за неправильное поведение. Эту функцию реализуют, например, следующие действия духа: [Суседко наказывает хозяев за неаккуратность?] *<...> Воспитывает она... Каким-нибудь наказанием, пугает. Например, может напугать пожаром. Но дом не сгорит дотла прямо, а так вот, незначительно что-то вот, чтобы вот припугнуть.* [Если посуду грязную оставляли, да, тоже ему не нравится, говорят?] *Да, посудой иногда гремит. Иногда вот в печке как будто бы вот шуршит кто-то, в самой печке* (С. Коммунар Сив.) (Материалы); *Как-то раз девчонки прибирались в комнате, подмели, а мусор не убрали. Легли спать, а ночью вдруг что-то застучало в шифонере. <...> На следующий день вахтерша сказала, что на третьем этаже что-то бежало, кричало, ходило так. Домовой, наверное, наказал за то, что мусор не убрали* (Тетерина Сол.) (ББ: 99–100); *Нельзя голодным ложиться спать – соседко рубаху издерет* (Мусонькино Караг.) (КС: 85); *Суседко «следит» за порядком в доме. Нельзя спать поперек половиц – соседко придет давить* (Н. Язьва Краснов.) (ВС: 27); *Баба у нас была шибко вредная и скотину обижала. Корова у нее добрая была. <...>*

Видится ей во сне, что мужик сидит подле коровы и доит ее. Утром встала, пошла к скотине, доить стала, а молока-то нет! То, видно, суседко ее наказал (Белкина Сол.) (ББ: 110–111).

4. Предсказывать. В схеме описания мифологического персонажа Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой предикат «предсказывать, предвещать» отнесен к группе прочих предикатов и не образует самостоятельной функции. В пермских же материалах обнаруживается довольно большая группа действий домового (звуковых и визуальных проявлений и собственно действий), которые имеют целью указать человеку на грядущие события, поэтому представляется целесообразным объединить их в отдельную, самостоятельную группу (функцию). Сюда включаем, например, следующие действия домового: *Суседко говорят – маленькой человек. Пришел у меня к зятю, сел на кровать. Это к болезни кажется. А которому и к добру кажется* (Базуева Гайн.) (Русские: 233–234); *Первого мужика в армию отправила. <...> Вижу, сиумело только за печью, испужалася, чую, как копна катится ко мне. Дак вдруг че-то надавит на колени, на ноги-то, и в рот мне дунет. А я-то: «К добру ли, к худу ли?» Мне в рот-то и дунуло: «К худу». И вот похоронка пришла (Касиб Сол.) (ББ: 97); Когда мне из деревни надо было ехать, суседко меня на печи давил. Я спросила его тогда: «Суседушко-братанушко, что к худу, к добру ли?» А ничего не поняла. Потом вскоре дом у нас сгорел. Видишь, к худу делал (Щекино Усол.) (УД: 208); [Скажите, а соседко у вас есть?] Мне было пятнадцать лет. <...> Сплю и слышу: кто-то топорами под лавкой играет. <...> Мы пошли в лес рубить жерди со старшей сестрой. Топор тупой, пила тупая. Ёлку стала наклонять. А сестра мне на ногу перерубила сухожилие (Касиб Сол.) (Материалы).*

5. Показывать свое расположение к человеку или скотине. Эта функция не встречается ни в одной из существующих классификаций действий мифологических персонажей (иногда она включается в патронажную функцию или в функцию помощи человеку). Однако мы считаем необходимым выделить такую функцию домового как самостоятельную, поскольку здесь речь идет не о выполнении персонажем для человека хозяйственных дел, а о действиях – знаках того, что домовый любит человека или скотину. Ср. примеры: *Суседко говорят – маленькой человек. <...> Котора скотина не по ему, он тоже не любит – роса на скотине, утром придёшь, гонят, видно. Лошаде косы наделат. Человеку тоже плетет. Любит человека* (Базуева Гайн.) (Русские: 233–234); *Если суседко плетет волосы, это он любит* (Тиуново Гайн.) (там же: 234);

А домовый, суседко, он маленький такой, малюсенький. Они в конюшне живут, в ограде. Которую лошадь любит он, той косы плетёт, всю гриву исплетёт. А если не любит, то он её ночью гоняет (Васильевское Ильин.) (Материалы); *Скотину суседко щекотит, любит, значит. <...> Суседушко гриву заплетает, любит, значит. Косичку эту остригать нельзя* (Грудная Караг.) (КС: 86).

Как видно из приведенных выше примеров, одно и то же действие персонажа может относиться к различным функциям, поскольку осуществляется с различными целями. Например, давить дух дома может с тремя целями – чтобы навредить нелюбимому человеку, чтобы наказать человека за неправильное поведение или чтобы предсказать будущее; плетение домовым кос человеку или скотине также многозначно: это действие может осуществляться, чтобы навредить либо показать свое расположение к человеку или скотине. Однако в пермских текстах встретилась большая группа действий персонажа, направленных на человека, которые никак не мотивированы и не проинтерпретированы информантами. Ср. контексты: [И больше не появлялась эта ласка?] *А вот она [соседка] говорит: «Я эдь видела, она к нам перебежала, – эта бабка Ира-та говорит, – к нам перебежала, у нас некого было давить, у нас кролики только были. Двух опять задавила»* (Корнино Черд.) (Материалы); [А ласка – это кто?] [И. 2:] *Зверёк. [И. 1:] Белый. Она такая небольшая, белая, и кончик всего вот такой чёрного цвета. <...> У нас курицу она сгубила. [И. 2:] *Задавила курицу ласка* (Корнино Черд.) (там же); *Суседко меня раз давил. Я не сплю вроде, а вижу – в белом халате мужчина зашёл и встал около койки, потом лёг поперёк меня. Как я закричу! Он встал и вышел, ушел. Кровь останавливается, вспомнишь дак* (Жукольная Юрл.) (Русские: 236); *Это ласка делает, так заплетёт [гривы у коней], что не распутаешь* (Беляевка Охан.) (Материалы); *Несколько раз бывало так, что лошади приходили домой с заплетёнными косами. Существует поверье, что косы лошадям заплетает суседка* (Габята Сив.) (там же). Такое положение, на наш взгляд, свидетельствует о редукции и постепенной утрате народных представлений о духе дома на территории Пермского края, поскольку в памяти носителей традиции сохраняются лишь сами действия персонажа, но цель их совершения оказывается непроясненной.*

Подобные действия, которые нельзя точно интерпретировать, мы решили поместить в нашем словаре в отдельный раздел. При этом те действия, которые носят отрицательный оттенок и могут быть расценены как однозначно вредо-

носные (например, действия, описанные в первом и втором отрывках из числа приведенных выше), мы относим к функции «Вредить».

Лексику, обозначающую действия мифологического персонажа, не направленные на объект (на человека), мы, в соответствии со схемой Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, отнесем в другой раздел идеографической классификации – «Поведение персонажа». Этот раздел будет включать несколько подразделов:

1. Звуковые проявления персонажа. К этому подразделу относится лексика, обозначающая различные звуки (включая речь), которые производит домашней «сам по себе», т. е. не с целью напугать человека, или помочь ему, или что-либо предсказать. Ср. примеры: *А сусидиха, она такая малейничка, сидит и прядёт, тр-р-р, веретёшко журчит. <...> А она потом убьжит. В голбице-то там брякает по листницам* (Редикор Черд.) (Материалы); *Легла на печь, одела шубу. А кто-то поволок её с меня. Шуба пала, и я не повернулась больше. <...> Потом маком избу посыпали. Как бахнет в переднем углу! Только изба сотряслась. И с тех пор ничего не слышала, не видал* (Крюково Ел.) (там же); *Две девушки в комнате жили. Пришли, кто-то ходит, дышит, а они никого не видят. Дык все едину трогают и гладят, а другу нет. Тоже ведь чудно...* (Б. Кусты Куед.) (КБ: 30); *Все блазело нам, что в голбце кто-то бегал да орал* (Берёзовка Чернуш.) (СРГЮП 1: 58).

2. Визуальные проявления персонажа. В эту группу включаем случаи, когда персонаж обнаруживает себя визуально, т. е. является, показывается человеку в каком-либо облике. Например: *На самом деле домашней-то был у нас. <...> У нас бабушка вон <...> говорит: «Восподи, посуда брякает, – говорит, – обоконок хлопает. А сами-то единственное, чё видели, – кой-ко маленький человечек ходит».* [Расскажите, как это случилось?] *Вот я в том доме жила, где щас Нина Андреевна спит. Тока в хлебницу, заходит маленький человечек, вот махонький. И открывает хлебницу. У меня, может, давление поднялось, может, и в самом деле его не видела* (Редикор Черд.) (Материалы); [Домашней у вас ходит?] *Да. [А он откуда? Говорят, он под печкой живёт.] А у меня где печка-то? С голбца выходит.* [А как он вам показывается?] *Как-то я один раз токо по тени видела. <...> До двенадцати-то всё равно ведь не выходит <...> [А он, может, знакомиться с вами выходил?] *Может* (У.-Зула Юрл.) (там же); *А напротив нашего дома стоял махонький домик. И <...> из окна <...> её дома всё время харя какая-то высывалась. <...> Высунется эта харя и корчит рожки. Отец говорил, что, может, домашней чем не доволен* (Березники*

(там же); *Она кричит: «Да у меня живёт домашней». Она говорит: «То нитки мне, – горит, – запутает в швейной машине. А иногда, – говорит, – приходим, она, – кричит, – так радуется, что даже вот по койке, – кричит, – прыгает, прямо видно вот, будто по койке кто-то прыгает. Мы сами-то, – кричит, – не видим, а на койку-то смотришь – видно, что кто-то по ней прыгает»* (Вятчина Юрл.) (там же).

3. Типичные действия персонажа. Это такие действия духа, которые не направлены на человека, его скотину или хозяйство, а совершаются домашним «для себя». У пермского духа дома таких действий два – прядение и просеивание муки. Ср. примеры: *Сусидка кудельку прядёт, она косарём в её как бросит. А потом ей во сне привиделось: «Чё, мол, бросаешь в меня?»* (Акчим Краснов.) (Материалы); *Домашней-то топает, шаги страшные. <...> А еще пряжа он. Спали я да Татаркиных сестра. <...> Она мне и говорит: «Ты, Манюшка, спишь? Слышишь, за пряжей шерсть прядут?» Пошли мы посмотреть. А соседко-то уже много на веретешко напрял. Намусолил сильно* (Н. Тымбай Куед.) (ББ: 105); *Сусидиха, домашней жила, муку сеяла. <...> Слышу – сеет. Двери открыл: решето на стол бах – никого. В дому, видимо, живёт* (Акчим Краснов.) (Материалы); *Тоже говорят, что был он, соседко. Я токо сама лично чуюла, как соседко муку сеял. <...> Я одна спать легла. <...> Чую, что сусидиха муку сеет. Сеет, сеет, сеет... Че-ко похлопает-похлопает – опять сеет. Я голову подняла – послушала, опять легло. Нет, все сеет!* <...> *Это уж я сама лично учуюла* (Ратегово Краснов.) (там же).

Наконец, в наших материалах встретились такие действия персонажа, не направленные на человека, которые описывают свойства и способности духа, например: *Я у свекровки жила, она всё пряла. Я пробудилась, сидит старуха у месяца, прядёт. Я говорю утром: «Ну, много напряла?» – «А я и не пряла, я и не вставала». Это сусидиха в неё переделалась* (Акчим Краснов.) (Материалы); *Раньше, когда работала ещё, соседко утром разбудит меня своей рукой, она у него лохматая. <...> А однажды видела я его – лохматый, худой, седой, на первобытного человека похож. <...> Рядом маленький такой стоял, а как уходит стал, огромным вырос и рассосался по всем щелям* (Сёйва Гайн.) (Русские: 234). Подобные единицы мы будем включать в отдельный раздел идеографической классификации – раздел «Свойства и способности».

Отметим, что в пермских текстах также часто встречаются единицы, описывающие различные функции, типичные действия и способности персонажа и имеющие структуру S + V: *Сначала*

банка трехлитровая на столе стояла и ни с того ни с сего *упала*. Это, когда она одна дома, происходило-то. *Телевизор* сам *выключался*. <...> [Ну и кто это был?] *А чёрт его знает, домовёнок, наверное* (Пермь) (Материалы); [А что он может сделать, домовою?] <...> *Тогда старушка у нас жила, так она гыт: «Вот ведь веник прямо ходуном ходит, опять домовою приходил»* (С. Коммунар Сив.) (там же); [А ваша бабушка не рассказывала про суседку?] *Ну, вот я слышала, бабушка говорила, что вот, ну раньше же две избы были на одном мосту <...>. И она говорила, ну вот вроде как машинка шьётся, как она говорила, сама, самопроизвольно – там никого нет. И вроде как машинка шьёт* (Красновишерск) (там же). Такие единицы решено не включать в словарь, поскольку, хотя они и несут информацию о поведении персонажа, грамматически субъектом в таких конструкциях выступают сами предметы (*банка, телевизор, веник, машинка*) и действие совершается как бы «само по себе», без прямого участия демона.

Итак, в идеографической части создаваемого электронного словаря мифологическая лексика, называющая действия духов-«хозяев» локусов, будет представлена следующим образом:

1. Единицы, обозначающие действия персонажей, направленные на человека, будут включены в раздел «Функции», в котором будет пять подразделов: «Вредить», «Помогать», «Наказывать», «Предсказывать», «Показывать свое расположение к человеку или скотине». В отдельный раздел будут помещены такие действия, предполагающие контакт с человеком, цель совершения которых персонажем не ясна из контекста.

2. Слова, называющие действия персонажей, не направленные на человека, будут распределены по нескольким разделам. Основная часть такой лексики будет отнесена в раздел «Поведение персонажа», который будет включать три подраздела: «Звуковые проявления персонажа», «Визуальные проявления персонажа» и «Типичные действия персонажа». Кроме того, такие единицы войдут в раздел «Свойства и способности».

Отметим, что предложенная классификация не является окончательной, поскольку составлена на материале текстов только об одном духе. Однако компьютерная форма создаваемого словаря (форма сайта) дает возможность легко видоизменять идеографическую часть и дополнять ее новыми разделами (если, например, у какого-либо другого пермского духа будут выявлены другие функции или способности), что в результате позволит представить и описать региональную традицию во всем ее разнообразии и с максимальной степенью полноты.

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн. – Гайнский; Ел. – Еловский; Ильин. – Ильинский; Караг. – Карагайский; Краснов. – Красновишерский; Куед. – Куединский; Охан. – Оханский; Сив. – Сивинский; Сол. – Соликамский; Усол. – Усольский; Черд. – Чердынский; Чернуш. – Чернушинский; Юрл. – Юрлинский.

Список источников с сокращениями

ББ – Шумов К. Э. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

ВС – Жданова Н. В., Подюков И. А., Хоробрых С. В. Вишерская старина: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 115 с.

КБ – Черных А. В. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: ПониЦАА, 2004. 114 с.

КС – Подюков И. А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2004. 320 с.

Материалы – Материалы диалектологического архива лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. – к. филол. н., доц. И. И. Русинова) и фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. – к. филол. н., доц. С. Ю. Королёва) филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Русские – Бахматов А. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во «ОТиДО», 2008. 502 с.

СРГЮП 1 – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 1. Абалтус – Кычига. 456 с.

УД – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. 240 с.

Список литературы

Боброва М. В. Семантические группы лексики с корнем *-бес-* в русских говорах и антропонимии Пермского края // Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2015. С. 43–51.

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–44.

Королёва С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Королёва С. Ю., Беломестнова А. С. Образ петуха в рассказах о кладах (на материале несказочной прозы русского и финно-пермских народов) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 5. С. 192–205.

Кротова-Гарина А. В., Русинова И. И. Функции и действия духа дома (на материале коми-пермяцких мифологических рассказов) // Филология в XXI веке. 2018. № 1(1). С. 162–171.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Мифологические персонажи в славянской традиции. I. Восточнославянский домовой // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 96–161.

Подюков И. А. Ономастическое оформление картины потустороннего мира в народной культурно-языковой традиции // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 125–139.

Подюков И. А. Особенности освоения русских народных мифонимов и обрядовых терминов коми-пермяцким языком // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 20–31. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-20-31

Подюков И. А. Русские заимствования в коми-пермяцкой заговорной традиции // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 147–150.

Русинова И. И. Синтаксические модели устойчивых сочетаний с глаголом *знать* в русских мифологических текстах Пермского края // Филология в XXI веке. Пермь, 2019. № 2(4). С. 65–71.

Русинова И. И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) // Традиционная культура. 2020. Т. 21, вып. 1. С. 136–148.

Русинова И. И., Гранова М. А. «Гардероб» лешего (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 130–147.

Русинова И. И., Гранова М. А. Отражение сюжетных мотивов в номинациях домового и лешего (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12(66), ч. 2. С. 160–162.

Русинова И. И., Шкуратов Ю. А. Мотивы передачи / получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 59–69. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-59-69.

Черных А. В., Русинова И. И., Шкуратов Ю. А. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // Традиционная культура. 2016. № 2. С. 62–79.

References

Bobrova M. V. Semanticheskie gruppy leksiki s kornem *-bes-* v russkikh govorakh i antroponomii Permskogo kraja [The semantic groups of vocabulary with the root *-bes-* in the Russian dialects and anthroponymy of the Perm region]. *Russkie narodnye govory: proshloe i nastoyashchee. Vtorye Gromovskie chteniya: sb. materialov i issled. vseros. nauch.-prakt. konf.* [Russian folk dialects: Past and present. Second Gromov readings: Proceedings of the All-Russ. Sci. and Pract. Conf.]. Kostroma, 2015, pp. 43–51. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Mifologicheskii aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [Mythological aspect of the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. K probleme identifikatsii i sravneniya personazhey slavyanskoy mifologii [On the problem of identification and comparison of characters in Slavic mythology]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore. Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, Indrik Publ., 1994, pp. 16–44. (In Russ.)

Koroleva S. Yu. Obryad 'provodov dushi' s ritual'nym zamestitelem umershego (materialy russko-komi-permyatskogo pograniich'ya) [The 'Farewell to the soul' ceremony with ritual substitution of the deceased person (Materials of the Russian-Komi-Permyaks' transgressive zone)]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2014, issue 23, pp. 52–76. (In Russ.)

Koroleva S. Yu., Belomestnova A. S. Obraz petukha v rasskazakh o kladakh (na materiale nesказочной prozy russkogo i finno-permskikh narodov) [Image of rooster in folk legends about hoards (Based on Russian, Komi and Komi-Permyak texts)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2018, vol. 19, issue 5, pp. 192–205. (In Russ.)

Krotova-Garina A. V., Rusinova I. I. Funktsii i deystviya dukha doma (na materiale komi-permyatskikh mifologicheskikh rasskazov) [Functions and actions of the spirit of the house (on the material of Komi-Permian mythological stories)]. *Filologiya v 21 veke* [Philology in the 21st Century], 2018, issue 1(1), pp. 162–171. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. *Vostochnoslavjanskij mifologicheskij tekst: semantika, dialektologiya, pragmatika*. Diss. ... d-ra filol. nauk. [East Slavic mythological text: Semantics, dialectology, pragmatics. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 634 p. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Mifologicheskie personazhi v slavyanskoy traditsii. I. Vostochnoslavjanskij domovoy [Mythological characters in the Slavic tradition. I. The East Slavic brownie]. *Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 96–161. (In Russ.)

Podyukov I. A. Onomasticheskoe oformlenie kartiny potustoronnego mira v narodnoy kul'turno-yazykovoy traditsii [Onomastic representation of the otherworld in Russian popular language and culture]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16, issue 3, pp. 125–139. (In Russ.)

Podyukov I. A. Osobennosti osvoeniya russkikh narodnykh mifonimov i obryadovykh terminov komi-permyatskim yazykom [Peculiarities of mastering Russian folk mythological names and ritual terms in the Komi-Permyak language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 3(35), pp. 20–31. doi 10.17072/2037-6681-2016-3-20-31. (In Russ.)

Podyukov I. A. Russkie zaimstvovaniya v komi-permyatskoy zagovornoy traditsii [Russian borrowings in Komi-Permyak magic tradition]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Studies], 2014, issue 2, pp. 147–150. (In Russ.)

Rusinova I. I. Sintaksicheskie modeli ustoychivyykh sochetaniy s glagolom *znat'* v russkikh mifologicheskikh tekstakh Permskogo kraja [Syntactic

models of stable combinations with verb *to know* in Russian mythological texts of Perm region]. *Filologiya v 21 veke* [Philology in 21st Century], 2019, issue 2(4), pp. 65–71. (In Russ.)

Rusinova I. I. Sposoby oblegcheniya smerti kolduna (na materiale russkikh mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja) [Ways of mitigating the death of a sorcerer (based on Russian mythological stories from the Perm region)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2020, vol. 21, issue 1, pp. 136–148. (In Russ.)

Rusinova I. I., Granova M. A. 'Garderob' leshego (na materiale russkikh mifologicheskikh tekstov Permskogo kraja) [Leshy's Wardrobe' (by material of Perm region Russian mythological texts)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2018, issue 10, pp. 130–147. (In Russ.)

Rusinova I. I., Granova M. A. Otrazhenie syuzhetnykh motivov v nominatsiyakh domovogo i leshego (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja) [Reflection of plot motives in the nominations of Brownie and Silvan (by the material of mythological stories of Perm region)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Issues of Theory and Practice], 2016, issue 12(66), pt. 2, pp. 160–162. (In Russ.)

Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A. Motivy Peredachi / polucheniya verbal'noy magii i ikh otrazhenie v leksicheskikh editsakh (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja) [Motifs of transference / receipt of verbal magic and their reflection in lexical units (a case study of mythological narratives of Perm Krai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 59–69. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-59-69. (In Russ.)

Chernykh A. V., Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A. 'Veshchitsa' v mifologicheskikh rasskazakh russkikh Srednego Prikam'ya ['Veshchitsa' in the mythological stories of the Russians of the Middle Prikamye]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2016, issue 2, pp. 62–79. (In Russ.)

**ON THE PROBLEM OF CLASSIFYING VOCABULARY
NAMING THE ACTIONS OF THE HOUSEHOLD SPIRIT
(Based on Russian Mythological Texts from the Perm Region)**

Mariia A. Granova

Assistant Lecturer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. marjanaandreeva@mail.ru

SPIN-code: 3653-3938

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2577-6652>

ResearcherID: D-2785-2018

Submitted 10.08.2020

The paper substantiates the need for developing an electronic dictionary of the Perm region's mythological vocabulary. An attempt is made to create a fragment of the ideographic part of this dictionary for the units that name the actions of the spirits-‘owners’ of loci. This presents a certain difficulty since there is no generally accepted classification of the actions of these characters in modern ethnolinguistics and folklore studies. Such a classification in our electronic dictionary is based on the scheme for describing a mythological character presented in the work of L. N. Vinogradova and S. M. Tolstaya *On the Problem of Identification and Comparison of Characters in Slavic Mythology* (Moscow, 1994), and on the classification proposed by L. N. Vinogradova in the monograph *The Mythological Aspect of the Slavic Folklore Tradition* (Moscow, 2016). In the dictionary being developed, it is supposed to divide all vocabulary denoting the actions of demons into two groups: the names of actions directed at a person and those not directed. The vocabulary of the former group is planned to be placed in the ‘Functions’ section, which will have five subsections: ‘Harm’, ‘Help’, ‘Punish’, ‘Predict’, ‘Show affection for a person or cattle’. The words of the latter group should be included in other sections: ‘The character’s behavior’ (which will have three subsections: ‘Sound manifestations of the character’, ‘Visual manifestations of the character’ and ‘Typical actions of the character’) and ‘Properties and abilities’. The proposed classification does not claim to be exhaustive since it is based on the vocabulary describing only one spirit (household spirit). However, the computer form of the dictionary allows us to easily modify and supplement the ideographic part, which will make it possible to create a classification that best reflects all the features of the Perm mythological tradition.

Key words: electronic dictionary; mythological vocabulary; actions of the spirits-‘owners’; household spirit; Perm region.